

УДК 37+93/94

Латинский язык в советских средних школах (1948–1954 гг.): филология и идеология*

Артем Михайлович Скворцов

Институт всеобщей истории РАН,

Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А; artyom-skvorcov@yandex.ru

Челябинский государственный университет,

Российская Федерация, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; artyom-skvorcov@yandex.ru

Для цитирования: Скворцов А.М. Латинский язык в советских средних школах (1948–1954 гг.): филология и идеология. *Philologia Classica* 2024, 19 (1), 164–181.

<https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.111>

В 1948–1954 гг. в ряде школ Советского Союза в учебную программу старшеклас-ников оказался включен латинский язык. Для проведения реформы С. П. Кондратьев и А. И. Васнецов написали учебник, переживший четыре издания, хрестоматию с отрывками из латинских произведений и методические рекомендации. Пособия составлялись в спешке без должного обсуждения их содержания. Новаторство, заключающееся в перегруппировке грамматического материала, ином подборе оригинальных латинских текстов (со включением отрывков из трудов Геродота, Юстина, Матвея Меховского, описывающих древнее состояние территорий, входивших в СССР), увеличению удельного веса историко-лингвистического материала в объяснении правил грамматики, встретило негодование со стороны профессионального сообщества филологов-классиков, которое с критикой обрушилось на учебно-методическое обеспечение курса. Кондратьев и Васнецов пошли на уступки лишь к 1953 г., но вместе с этим попытались усилить идейно-воспитательную компоненту в преподавании латинского языка. Подобранные для школьников адаптированные тексты и пословицы демонстрировали те черты характера римлян, которые соответствовали идеалу советского человека (коллективизм, смелость, твердость в преодолении трудностей, скромность, товарищество, бескорыстность и проч.). Ряд историко-лингвистических справок в учебниках имел аллюзии на современные события, а соответственно, играл роль политического воспитания (сохранение римлянами своего словарного фонда в условиях зависимости

* Статья выполнена в рамках проекта РНФ, № 24-28-01315 «Послевоенный классицизм: социальный заказ и интеллектуальное пространство советских специалистов по древней истории, 1945–1956 гг.».

от этрусков ставится в параллель сопротивлению славянского населения Болгарии). Впрочем, вскоре, в 1954 г., эксперимент был свернут. В настоящей статье учебно-методический комплекс по преподаванию латинского языка рассматривается как маркер идеологических процессов. Автор приходит к выводу, что введение этого нового предмета в средние школы вписывается в общий вектор позднесталинского классицизма.

Ключевые слова: история классической филологии, латинский язык, средняя школа, история образования, советская школа.

Введение латинского языка в средних школах в конце 1940-х гг. — неординарное событие в истории Советского государства, получившее у современников, в том числе и в научном сообществе, диаметрально противоположные оценки, вылившиеся в настоящую войну рецензий в периодических изданиях рубежа 1940–1950-х гг. Сама реформа довольно быстро была подвергнута забвению. В настоящей статье поставлена цель выяснить, почему реформа, которая, казалось бы, с энтузиазмом должна быть встречена сообществом филологов-классиков, вызвала большое число негативных откликов с их стороны и почему все же эксперимент оказался безуспешным.¹ Основными источниками будут служить изданные в ходе реформ многотысячными тиражами учебные пособия, методические рекомендации, книги для чтения, которые сегодня мало востребованы в учебном процессе, но исключительно ценны как историографический материал.

Точкой отсчета эксперимента можно назвать первую конференцию преподавателей классической филологии и древних языков московских вузов, проведенную еще в годы войны, в июле 1944 г. Ее итогом стала резолюция, в которой декларировались некоторые новые задачи классической филологии. В процессе переосмысления в эти годы места и роли России в мировой истории наметилась тенденция возводить культурные истоки страны через посредничество городов Причерноморья и Византии к Греции и Риму. В документе речь шла не о заимствовании, а именно о преемственности: благодаря античности русская культура приобретала еще более глубокие основания, а соответственно, получала почетное место в ряду других, европейских, наследников-продолжателей фундаментальной традиции.² Нужно было укоренить СССР в мире, в общепринятой системе ценностей и в мировой истории. После этой конференции в 1944 г. были открыты классические отделения в университетах Томска и Казани, МГПИ им. Ленина, а в МГУ и ЛГУ стали набирать по 40 первокурсников на классическую филологию. Наконец, официально с сентября 1948 г. в девяти школах РСФСР был введен предмет «Латинский язык». Сама реформа вполне органично смотрится в ряду преобразований позднесталинского времени, что отмечали уже мемуаристы,³ но реализующие реформу филологи-классики не могли обойти стороной проблему ее обоснования для широкой общественности. Сразу отметим, что все учебные и методические пособия в рамках этого эксперимента неизменно выходили под авторством С. П. Кондратьева (1872–1964) и А. И. Васнецова. Первый из них — филолог-классик, выпускник Московского университета — в 1944–1948 гг. состоял старшим научным сотрудником

¹ Зарождение самой идеи введения латинского языка в советских школах и ход реформы мы уже рассматривали в статьях: Скворцов 2022; Скворцов 2023.

² Скворцов 2022.

³ Ботвинник 1997, 108.

сектора древней истории Института истории АН СССР, который в то время возглавлял А. В. Мишулин, а с 1947 г. — профессором на кафедре классической филологии МГПИИ им. В. И. Ленина, руководимой Н. Ф. Дератани. Именно А. В. Мишулин и Н. Ф. Дератани являлись инициаторами реформы.⁴ А. И. Васнецов вместе с Кондратьевым отвечал за методическую часть; другую информацию о нем не удалось обнаружить.

Преподавание латинского языка в школах планировалось начать с сентября 1948 г., но, по словам А. Ч. Козаржевского, учебник поступил лишь в декабре этого года, и только в январе 1949 г. начались занятия по предмету.⁵ Полученное учениками издание, подготовленное специально в связи с проводившейся реформой, имело ряд объективных достоинств. Подобранные для перевода адаптированные латинские тексты отражали различные стороны жизни древних римлян: домашний быт, государственное устройство, земледелие, заседания сената, конские ристания, бои гладиаторов, книжное дело, военное дело.⁶ К каждому тексту приведен лексический минимум, есть и словарь в конце книги. Имеются также черно-белые иллюстрации. Грамматические правила выделены особым шрифтом, используется табличная форма изложения. Другими словами, авторами широко применялись различные методические приемы для успешного усвоения материала учащимися.

Издание 1948 г. содержит краткую (всего лишь на треть страницы) пояснительную записку. Авторы, не сочтя нужным объяснить целеполагание предмета «Латинский язык» в условиях конца 1940-х гг., привели лишь цитату Ф. Энгельса, обозначив таким образом свой подход — представить латинский язык в его историческом развитии и «посильно сделать сознательным процесс усвоения его учащимися».⁷ Этот подход действительно последовательно реализовывался Кондратьевым и Васнецовым, что, впрочем, привело к перенасыщению учебника материалом из исторической грамматики. Для примера приведем объяснительные замечания для восьмиклассников по I и II склонениям. Отмечается, что очень древним окончанием родительного падежа единственного числа был звук [s], и до IV в. до н.э. родительный падеж I склонения оканчивался на *-as*. Далее внимание школьника концентрируется на некоторых юридических выражениях с существительными, сохранившими архаическое окончание (*pater familias, mater familias*). Здесь же объясняется форма на *-abus* в словосочетании *deis et deabus*, оставшаяся, по словам авторов, в языке для того чтобы отличать одинаковые окончания в дательном падеже I и II склонений. Наконец, Кондратьев и Васнецов призывают подростков не удивляться наименованию II склонения склонением «с основой на *-o*»: хотя именительный и винительный падежи единственного числа оканчиваются на *-us* и *-it* вместо ожидаемых *-os* и *-ot*, но эти последние окончания были в ходу еще при Цицероне, а окончательно стали писать *-us* и *-it* в конце I в. н.э.⁸

Учебник дает очень насыщенное грамматическое описание, но приведенный теоретический материал не всегда сопровождается закреплением в виде соответствующих упражнений. Так, С. В. Полякова и И. В. Филенковская обратили внима-

⁴ Скворцов 2023, 115–116.

⁵ Козаржевский 1949, 120. Об этом же пишет учитель А. В. Фаворский (1949, 79).

⁶ Заметим, что эти тексты взяты из дореволюционных хрестоматий.

⁷ Кондратьев, Васнецов 1948, 2.

⁸ Кондратьев, Васнецов 1948, 40–41.

ние, что из 31 предложения, данного в четырех текстах для перевода в рамках изучения III склонения, 27 имеют сказуемое, выраженное различными временными формами *esse*.⁹ Другие же глаголы, включенные в лексические минимумы, остаются пассивным знанием. По наблюдению А. Ч. Козаржевского, раннее прохождение согласительного наклонения (даже до знакомства с I склонением) не имеет закрепления в подобранных для перевода текстах, а общее представление об образовании всех глагольных форм дано до непосредственного их изучения на практике.¹⁰

Идеологически заостренными для своего времени выглядят некоторые пояснения Кондратьева и Васнецова к афоризмам: «*Nota bene!* — заметь хорошо <...> Этот знак часто употреблял в своих работах Владимир Ильич Ленин»,¹¹ «*Divide et impera!* — захватнический девиз римских императоров, которым руководствовались все хищники, вплоть до современных империалистов»,¹² «*Valete* — будьте здоровы! (Это выражение часто употребляли Марк и Энгельс в своей переписке». ¹³ Совсем уж нелепой кажется сноска, сделанная к фразе *Si vis pacem, para bellum*: «Тов. Вышинский в своей речи в ООН так перефразировал эту пословицу: «*Si vis pacem, para pacem*», что соответствует нашей мирной политике»¹⁴. Подобные авторские замечания, призванные якобы актуализировать античность, возникают спорадически, что создает впечатление их искусственности и инородности. Какие-либо другие идеологические компоненты (за исключением цитаты Ф. Энгельса в пояснительной записке) в учебнике не встречаются.

На учебник разгромную рецензию первым написал А. Ч. Козаржевский.¹⁵ Впрочем, авторы не обратили на нее должного внимания: последующие три переиздания осуществлялись с минимальным количеством коррективов, следствием чего явился целый ряд негативных откликов в специализированных журналах.¹⁶ Обратим внимание, что Козаржевский насчитал более 100 опечаток и стилистических ошибок,¹⁷ — факт, свидетельствующий о поспешности подготовки первого издания. Лишь в четвертое издание (1953 г.) была внесена существенная правка.¹⁸

Первые три издания учебника выходили и без обстоятельного вводного параграфа, имелась лишь небольшая пояснительная записка на второй странице, о которой речь шла выше. Четвертое же издание 1953 г. вышло несколько переработанным, уже с относительно обстоятельным четырехстраничным «Введением». Судя

⁹ Полякова, Филенковская 1953, 62. Здесь же авторы отмечают однообразие употребляемых в текстах существительных, особенно в разделе «III склонение».

¹⁰ Козаржевский 1949, 119.

¹¹ Кондратьев, Васнецов 1948, 31.

¹² Там же.

¹³ Кондратьев, Васнецов 1948, 13

¹⁴ Там же, 163.

¹⁵ Козаржевский 1949, 117–120.

¹⁶ Боровский 1952, 87–88; Полякова, Филенковская 1953, 57–67; Рачкаускас 1953, 98–105.

¹⁷ См.: Козаржевский 1949, 117–120.

¹⁸ Однако, по словам И. В. Филенковской, количество недостатков, не устраненных авторами, оставалось по-прежнему велико. Свою рецензию она резюмирует следующими словами: «Досадным и странным, принимая во внимание многочисленные критические отзывы и предложения, направленные на улучшение учебника, является большое количество неточностей и ошибок, которые не только дожили до четвертого переработанного издания, но в иных разделах даже приумножились» (Филенковская 1954, 101).

по содержанию, пролегомены имели «защитную» функцию и предназначались не для учащихся, а скорее для противников преподавания латинского языка советской молодежи. В основу текста легла краткая справка о развитии самого латинского языка в связи с политической историей Древнего Рима от момента основания города и постепенного превращения его в средиземноморскую сверхдержаву и до распада Римской империи. Далее следовали общие фразы о роли латинского языка в Средневековой Европе, уместившиеся в неполные пять строчек. В заключительных абзацах приведены довольно стандартные для актуализации латинского языка сведения: на этом языке написаны произведения мировой культуры; ряд латинских пословиц и поговорок вошли в «золотой фонд новых языков»; многочисленные слова, используемые сегодня, имеют латинские корни; латинский язык позволит лучше освоить новые языки.¹⁹ Отсылка к А. С. Пушкину, цитатам, выражающим его очарованность античными литературными произведениями, должна была усилить уверенность в значимости изучения, казалось бы, «мертвого» языка. Но приведенные абстрактные размышления, думается, не являлись главным элементом «Введения», и не на них делали ставку С. П. Кондратьев и А. И. Васнецов, доказывая необходимость сохранения латыни в школьном образовании. Авторы стремились показать понимание значимости своего предмета на самом высоком уровне, тем самым дать отпор противникам эксперимента и своим критикам. На четырех страницах «Введения» имеются по одной ссылке на сочинения В. И. Ленина и Ф. Энгельса и шесть на свежую статью И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (первоначально опубликованную в 1950 г. в стиле интервью и отдельных ответов в газете «Правда», затем специальной брошюрой, вышедшей в 1952 г.).²⁰ Очевидно, цитаты должны были убедить читателя в следующей мысли: вышедшее переработанное издание учитывало результаты «дискуссии» в языкознании начала 1950-х гг. С другой стороны, умелая комбинация исторических сведений о Древнем Риме и выдержек из речей «вождя народов» создавала впечатление, что чуть ли не основным содержанием статьи «Марксизм и вопросы языкознания» являются вопросы латинского языка. На самом же деле при внимательном чтении «Введения» оказывается, что подобранные выдержки представляют собой довольно тривиальные высказывания: «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом <...>» или «<...> основной словарный фонд <...> живет очень долго, в продолжение веков, и дает языку базу для образования новых слов», или «<...> грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики» и т. д.²¹ Только слова Ф. Энгельса, направленные на критику Дюринга за его предложение изъять из системы школьного образования преподавание древних языков, непосредственно относятся к предметной области учебника. Все эти и другие цитаты из «классиков» служили аргументами в пользу решения правительства о введении в школах латинского языка. Содержание учебника незначительно, но было изменено, что, по-видимому, стало следствием критики со стороны профессионального сообщества: практически полностью исключены элементы исторической грамматики, с помощью которых объ-

¹⁹ Кондратьев, Васнецов 1953b, 5–6.

²⁰ См. обстоятельный анализ дискуссии: Алпатов 2004, 168–183.

²¹ Кондратьев, Васнецов 1953b, 3–6.

яснялись те или иные формы языка,²² темы “Coniunctivus” и “Отглагольные формы” были перемещены на более поздний срок обучения (из 8-го в 9-й класс), исключены упражнения для перевода с русского языка на латинский, чтобы древний язык не превращался в «самодовлеющую величину, не увязанную со всем комплексом других школьных предметов»,²³ впервые приведено поурочное планирование.²⁴

Заметим, что за рецензией Козаржевского последовал ряд критических откликов в печати со стороны ленинградских филологов-классиков, которые следовало парировать. Остановимся на заметке зав. кафедрой классической филологии ЛГУ Я. М. Боровского (1952), опубликованной в центральном академическом журнале «Вопросы языкознания». Утверждая, что латинский язык в школе может принести пользу учащимся в деле освоения школьниками грамматики и лексики родного и иностранного языков и в развитии мыслительных способностей и стилистических навыков, ученый добавил: «При условии надлежащей постановки этого преподавания».²⁵ Уже в этих начальных словах этой небольшой статьи содержится пока еще завуалированная отрицательная оценка эксперимента по введению латыни в школах. К концу статьи позиция Боровского вполне однозначна: выпущенный Учпедгизом учебник неудовлетворителен, и требуется координация при Министерстве просвещения специалистов всех университетских кафедр классической филологии, чтобы исправить ситуацию. Копья автора статьи были направлены на монополию отдельных лиц по изданию учебно-методической литературы по предмету. Об этом же писал А. Ч. Козаржевский в рецензии на первое издание учебника 1948 г.: «Прежде чем выпускать массовым тиражом первый советский учебник латинского языка для школы, нужно было подвергнуть его обсуждению научной и педагогической общественности».²⁶ С. В. Полякова и И. В. Филенковская в другой рецензии призывали активнее привлекать профессиональных филологов-классиков к обсуждению методических вопросов и свидетельствовали о проблемах организационного характера: «В Министерстве просвещения РСФСР до сих пор не создана инспекция по латинскому языку. Так же обстоит дело и в Ленинградском городском отделе народного образования и в Ленинградском городском институте усовершенствования учителей. В Ленинграде это руководство возложено в качестве дополнительной нагрузки на инспекторов по иностранному языку».²⁷

Контрастирует с оценками Боровского помещенная в этом же номере статья под авторством С. П. Кондратьева и Н. А. Тимофеевой, сотрудников кафедры классической филологии Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Статья выдержана в классическом советском стиле: насыщена цитатами из «классиков», содержит указание на «корень зла» — учение Марра, из-

²² Краснодарский учитель латинского языка Е. Наюк писал, что исторические справки значительно затрудняют усвоение, поэтому приходится их выпускать: Наюк 1951, 102. Об этом же пишет А. Ч. Козаржевский в своей рецензии, ссылаясь на конкретные примеры: «В школе № 131 молодая учительница то и дело говорит девочкам: “На это в учебнике не обращайтесь внимания, это лишнее, это пройдем после” и т. д. В школе № 330 учительница вынуждена диктовать мальчикам свои, более простые, чем в учебнике, формулировки правил, а для чтения подбирать тексты из дореволюционного пособия Крихцацкого» (Козаржевский 1949, 120).

²³ Кондратьев, Васнецов 1953b, 5–6.

²⁴ Там же, 268–273.

²⁵ Боровский 1952, 87.

²⁶ Козаржевский 1949, 120.

²⁷ Полякова, Филенковская 1953, 59.

за которого, по утверждению авторов, сокращены курсы латинского языка в вузах (а в педагогических институтах и вовсе исключены из учебной программы) и возникло предубеждение в отношении классической филологии. Сформулировано и решение проблем — готовить учителей латинского языка только в педагогических институтах, в том числе и на романских отделениях, что еще больше на самом деле монополизировало бы «школьную латынь» в рамках кафедры классической филологии МГПИ им. В. И. Ленина под руководством Н. Ф. Дератани. Вполне предсказуемо Кондратьев и Тимофеева эксперимент оценивают как успешный, заручаясь поддержкой «общественного мнения»: обследование московских школ будто бы показало, что ученики, за единичным исключением, подчеркивали несомненные преимущества изучения латинского языка, заключающиеся в понимании значения и орфографии бытующих в русском языке слов, заимствованных из латыни, и усвоении новых языков, особенно французского и английского.²⁸ Казенный характер формулировок и идентичность результата освоения предмета его изначальным задачам наводит на мысль о необъективности представленного опроса. Были упомянуты, хотя и вскользь, «частичные неудачи» эксперимента, связанные с «подбором преподавателей».²⁹ Помещенная в рамках как бы «объективной» дискуссии статья Кондратьева и Тимофеевой на деле служила сглаживанию того негативного впечатления от хода реформы, которое могло остаться после чтения статьи Боровского.

Диаметрально противоположные оценки звучали и в печатном органе Министерства просвещения РСФСР «Иностранные языки в школе». Импульсом появления рецензий на пособия Кондратьева и Васнецова стало выступление И. В. Сталина в «Правде» с критикой марровского учения. Учителя из разных городов Советского Союза стали делиться своими наблюдениями и опытом. Открыл череду статей педагог из Краснодара Е. Наюк. По его мнению, введение латыни способствовало повышению грамотности учащихся, а именно правильному употреблению и написанию иностранных слов, а также укреплению знаний русской грамматики. Частично его статья представляет собой описание собственного педагогического опыта («мы проводили много письменных работ и упражнений в форме диктовок, самодиктантов, грамматического разбора текстов», «составляли <...> специальный словарь употребительных латинских коренных слов»³⁰). Критике подверглись лишь расположение материала в учебнике (раннее изучение конъюнктива и герундия), а также избыток исторических справок при изучении грамматики.³¹ Но в целом Наюк положительно оценивает эксперимент и изданный для его проведения учебник, а имеющиеся негативные оценки даны вскользь и скорее ритуально, без пространных размышлений, каковые встречаются при характеристике названных достоинств. Учитель средней школы № 8 в Саратове А. И. Фаворский в целом соглашается с мнением Наюка, критикуя однако малочисленность в некоторых разделах практических упражнений на фоне обилия теоретического материала и связанную с этим необходимость для учителя подбирать упражнения самостоятельно. Равным образом осуждается и неполное порой соответствие практических заданий

²⁸ Кондратьев, Тимофеева 1952, 85.

²⁹ Там же, 86.

³⁰ Наюк 1951, 101–102.

³¹ Там же, 102–103.

теоретическому материалу — в разделах о герундии, герундive и супине.³² В рецензии Фаворского содержится также много трюизмов о значении латинского языка: заимствованные в русском языке латинские термины для школьников становятся более понятными, а орфография этих слов хорошо запоминается; после курса латинского языка легче усваивается современный иностранный язык; древний язык способствует расширению исторического кругозора. Наконец, целесообразность сохранения эксперимента саратовский учитель доказывает конкретным «практическим» результатом: из 35 выпускников абсолютно все поступили в вузы, причем 22 — в медицинский институт, государственный университет, юридический институт и на факультет иностранных языков педагогического института.³³ Правда, не совсем понятно, как педагог установил взаимосвязь между успешной сдачей вступительных испытаний в эти вузы и преподаванием латыни в школе. М. И. Рачкаускас (Вильнюс) в более обстоятельной и подробной рецензии, скрупулезно отмечая ошибки авторов учебника и недостатки в изложении ими теоретического материала, неоднократно упомянул предшествующий разбор А. И. Фаворского и указал на излишнюю тактичность саратовского учителя и попытку сгладить недостатки.³⁴ Вывод Рачкаускаса следующий: «Есть ли что-нибудь ценное в учебнике? Да, есть: это любовь авторов к латыни и вообще к античности, любовь, которой дышит не одна страница их учебника».³⁵

К 1950 г. была подготовлена книга для чтения *Aula linguae Latinae*, предназначенная для учеников 10-х классов. Авторы-составители (все те же С. П. Кондратьев и А. И. Васнецов), впервые четко сформулировали цель изучения латинского языка. Всячески дистанцируя свое пособие от дореволюционных аналогов, они заявляют, что для них важна была возможность практического применения школьниками полученных знаний, имея в виду подготовку будущих студентов высших учебных заведений к восприятию в различных областях знания специальной терминологии, пришедшей из латинского языка. Вторая же цель, приобретшая значение ведущей для дисциплин гуманитарного блока, особенно в годы Великой Отечественной войны, — «воспитание любви к своей Родине и гордости ею».³⁶ Реализацию такой высокой миссии Кондратьев и Васнецов намеревались осуществить за счет включения в хрестоматию текстов, описывающих «жизнь нашей родной страны в античную эпоху и средневековье», отказавшись таким образом от традиционных, например, «Записок о Галльской войне» Цезаря, по их мнению, «не говорящих ни уму, ни сердцу обычного советского школьника».³⁷ В приведенных формулировках целеполагания, вполне соответствующих духу времени, нельзя не заметить риторического, декларативного характера. Авторы, надо признать, все же

³² Фаворский 1952, 80.

³³ Там же, 82.

³⁴ Приведем соответствующие цитаты: «Однако тот же А. И. Фаворский совершенно умалчивает (и напрасно!) об отношении учащихся <...> к экскурсам в область исторической грамматики латинского языка»; «Однако А. И. Фаворский не договаривает до конца: он умалчивает о недопустимом несоответствии объема теоретических правил объему практических упражнений» (Рачкаускас 1953, 101, 105).

³⁵ Рачкаускас 1953, 105.

³⁶ Кондратьев, Васнецов 1950, 2.

³⁷ Там же.

стремятся, насколько это возможно, их реализовать, результатом чего становится неудовлетворительный подбор текстов для изучения.

Учебное пособие открывается разделом «Древние и средневековые писатели о нашей Родине», который вызвал наибольшее негодование профессионального сообщества филологов-классиков, но формально учитывал установки, оглашенные в 1944 г. на первой московской конференции преподавателей древних языков. Парадоксально, но первым отрывком для перевода был выбран пассаж из «Истории» Геродота (4, 1–11)... на латинском языке. Это описание Скифии. Уже в официальной историографии XVIII в. скифы объявлялись предками славянских народов, а в начале 1930-х гг., например, Б. Д. Греков, используя теорию Н. Я. Марра для обоснования тезиса об историко-культурной преемственности, говорил о вхождении древних народов, некогда населявших территорию СССР, в состав новых образований, в том числе в Киевскую Русь. Исходя из этого, Советский Союз представляется вобравшим в себя достижения всех этнических групп, проживавших здесь в догосударственную эпоху.³⁸ В годы Великой Отечественной войны такая линия преемственности актуализировалась и всячески пропагандировалась, поскольку относительно широко известен был интерес этих кочевых племен к военному делу. Еще Геродот заметил: «Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; никто не может их настичь, если только они сами не допустят этого <...> Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища — в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?» (Hdt. 4, 46, пер. Г. А. Стратановского). Вынужденное отступление Красной Армии в начале Великой Отечественной войны в статьях историков-антиковедов 1942–1943 гг. находило объяснение через известную тактику скифов, которая также предполагала уход от врага вглубь страны, набеги небольшими «партизанскими» отрядами на противников, уничтожение запасов неприятелей.³⁹ Показательно также, что на обложке анализируемой хрестоматии помещено изображение скифов на сосуде из кургана Куль-Оба, главы же «Истории» Геродота о военных обычаях скифов неожиданно проиллюстрированы картиной художника В. Васнецова «Битва русских с кочевниками».⁴⁰

Ценность сочинения «отца истории» с точки зрения детального описания быта и нравов скифов бесспорна. Галикарнаец создает образ этих кочевых племен, который будет транслироваться в литературе еще несколько веков. Составители хрестоматии усиливают значимость личности и деятельности Геродота параллелью с Нестором, являвшимся, по распространенному мнению, первым летописцем на Руси, а также характеристикой греческого автора как патриота. В пояснительной записке, предваряющей «Описание Скифии», объемом меньше страницы, таковым он назван даже дважды. Во второй раз это качество упоминается в контексте получения Геродотом знаменитого прозвища «отца истории»: «За красочность рассказа, за занимательность изложения и за высокий патриотизм Геродот справедливо по-

³⁸ Кириллова 2022, 135–136.

³⁹ Конопаткин 2024.

⁴⁰ Кондратьев, Васнецов 1950, 7.

лучил название «отца истории».⁴¹ Причем составители хрестоматии не пишут (и, вероятно, намеренно), что первым это выражение использовал Цицерон, который авторами пособия в следующем разделе «Литературные памятники Рима» назван беспринципным, тщеславным и самолюбивым политиком⁴² — представлен, таким образом, антиподом Геродоту. Не упомянуто и аристократическое происхождение Геродота (по сути классового врага советского человека), лишь его позиция — защитника «афинской рабовладельческой демократии», в отличие от Цицерона, принадлежавшего к всадникам, которые «наживались на зверской эксплуатации рабов и на безудержном грабеже провинций».⁴³ Если принять интерпретацию Кондратьева и Васнецова, остается неясным, каким образом у столь «низкой канальи»⁴⁴ сформировалась такое почтение к патриотизму греческого историка. Противоречие, обнаруживаемое специалистами-антиковедами, безусловно, оставалось незамеченным десятиклассником, для которого отчетливо формулировался тезис: только патриоты могут стать достойными людьми и войти в историю в образе положительного героя. Цицерона же, несмотря на приводимую в вводной статье о нем лестную оценку Петрарки и постулируемую здесь же основополагающую роль римского оратора в формировании норм литературного латинского языка, Кондратьев и Васнецов оценивают сдержанно за «многогоречивость» его периодов.

В первый же раздел хрестоматии авторы-составители поместили отрывки из трактата «О двух Сарматиях» Матвея Меховского (1517 г.). Выбор текста польского писателя эпохи Ренессанса объясняется тем, что названное сочинение представляет собой одно из первых описаний стран Северо-Восточной Европы, в том числе и Московии. Меховский рассказывает о ее обширных пространствах и отдает должное ее мощи. Отрывки сопровождаются ахронистическими иллюстрациями: «Битва сарматов с ливонцами»,⁴⁵ «Утро на Куликовом поле»⁴⁶ (художника Бубнова), «Скиф, связывающий передние ноги лошади» (орнамент на серебряной амфоре из Чертомлыцкого кургана),⁴⁷ «На пристани в Новгороде» (художника Лебедева)⁴⁸, «Русское войско XVI в.».⁴⁹ Сам же текст, помимо того что написан на гуманистической латыни, содержит довольно много слов, не свойственных латинскому языку, главным образом имен собственных: *Oczakow* (Очаков), *Kaczybeio* (Качибейском), *Dzassow* (Зассов) и др.

Наконец, к собственно латинским классическим произведениям в первом разделе хрестоматии относятся: «Описание Скифии» Юстина (2, 2) и «Зима у гетов» Овидия (3, 10). Первое должно было поразить школьников восхищением римского историка II в. простотой жизни скифов, что стало следствием, по мнению Кондратьева и Васнецова, «загнивания верхушки рабовладельческого класса, ее пресы-

⁴¹ Там же, 4.

⁴² Там же, 55.

⁴³ Там же, 55.

⁴⁴ Это характеристика Цицерона, данная Ф. Энгельсом, которую упомянули и присоединились к ней С. П. Кондратьев и А. И. Васнецов.

⁴⁵ Кондратьев, Васнецов 1950, 23.

⁴⁶ Там же, 24.

⁴⁷ Там же, 30.

⁴⁸ Там же, 35.

⁴⁹ Там же, 43.

ценности жизнью»,⁵⁰ второе же призвано было вызвать снисходительную улыбку над страданиями богатого римлянина, певца любви и любовных приключений, изгнанного «в городок Томи [sic!]» и вынужденного жить среди варваров.⁵¹

Только лишь второй раздел анализируемого пособия представляет собой набор классических латинских текстов, включающий, например, «Речь в защиту поэта Архия» Цицерона и «Памятник» Горация. Однако и в этом разделе имеются не вполне подходящие — ввиду их сложности — для начального этапа освоения языка тексты: отрывки о происхождении языка из Лукреция (5, 1028–1090) и о литературных тропах из Квинтилиана (9, 1–7). Выбор Лукреция обоснован атеистическим мировоззрением римского писателя и приверженностью идеям философа-материалиста Эпикура,⁵² а Квинтилиана — литературоведческими исканиями и отрицанием этим оратором «цветистости речи».⁵³ Но предполагающийся разбор школьниками определений синекдохи, метонимии, антономасии, перифразы и т. д. представляется излишним и преждевременным.

Наконец, третий раздел явился во многом следствием идеологических кампаний конца 1940-х гг. и носил название «Латинский язык в работах русских ученых». Так, переписка М. В. Ломоносова и Л. Эйлера на латинском языке должна была продемонстрировать высокий авторитет русского ученого в глазах мировой общественности, а также борьбу Ломоносова с немецкими академиками, которые устраивали «травлю универсального гения».⁵⁴ Закрывается хрестоматия приветственной речью в адрес академика И. П. Павлова при присвоении ему ученой степени доктора наук *honoris causa*.

Первая книга для чтения *Aula linguae Latinae* была выпущена в 1950 г. тиражом 10 000 экземпляров, вторая в 1951 г. — в 6000 единиц — без каких-либо содержательных изменений. И только лишь третье издание 1954 г. тиражом 5000 единиц вышло со значительными правками: заметно сокращен раздел средневековой латыни (остались лишь отрывки из трактата М. Меховского), введены фрагменты из «Записок о Галльской войне» Цезаря и «Истории» Тита Ливия.

Подобные изменения были вызваны опять же появившимися в печати суровыми рецензиями. Притом первая рецензия, подготовленная доцентом кафедры истории Древнего мира МГУ Н. Н. Пикусом и вышедшая в главном для антиковедов издании, «Вестнике древней истории», имела нарочито хвалебный характер. Общий ее вывод состоял в следующем: «Перед нами вполне современная, т. е. отвечающая потребностям советской средней школы, книга для чтения по латинскому языку, в которой преодолена историческая ограниченность, точнее — антикварность».⁵⁵ В качестве критики прозвучало лишь «ненормальное соотношение [в латинских текстах книги для чтения — А. С.] <...> между классической и средневековой латынью».⁵⁶ Но в целом рецензия была очень краткой и малосодержательной; напрашивается вывод о ее «заказном» характере, особенно на фоне других печатных откликов.

⁵⁰ Кондратьев, Васнецов 1950, 16.

⁵¹ Там же, 19.

⁵² Там же, 49.

⁵³ Там же, 81.

⁵⁴ Кондратьев, Васнецов 1950, 88, 90.

⁵⁵ Пикус 1951, 165.

⁵⁶ Там же.

Более глубокий и детальный разбор выполнил А. Ч. Козаржевский, который со всей прямотой критиковал стремление авторов выйти за пределы классической древности и включить в круг чтения школьников латинские средневековые тексты. У рецензента вызвал недоумение прежде всего сам подбор материала: оставление за рамками изучения образца «золотой латыни» — Цезаря, включение «Истории» Геродота на латинском языке и ничем не примечательного отрывка из Юстина. Но большую волну негодования у Козаржевского породил текст Меховского, в котором даны довольно спорные и тенденциозные характеристики Московии: без квалифицированного подробного комментария, учитывающего «националистические тенденции» польского писателя, читать школьникам эти фрагменты, по убеждению рецензента, нельзя.⁵⁷ Возражения вызвали и вводные статьи с характеристиками писателей: в статьях о Горации и Овидии не говорится о литературном наследии этих римских поэтов, статья о Цицероне внутренне противоречива, нет сообщений об особенностях языка писателей. Наконец, автор рецензии приводит большое количество «антинаучных обобщений и сопоставлений», которые должны были якобы установить связи русского и латинского языков, например, сопоставление *armentum* с русским словом «ярмо» и латинским *argentum* или объяснение слова *caro*, которое, по мнению Кондратьева и Васнецова, «считается “по исключению” женского рода: первоначально его значение — *кусоч, часть (мяса)*, а так как *часть* — *pars, partis* — по-латыни всегда женского рода, то и *caro* по аналогии тоже стало женского рода».⁵⁸ Козаржевский обратил внимание, что в книге для чтения отсутствуют какие-либо методические указания учителю, тогда как основной контингент учителей латинского языка состоял из выпускников, не имеющих педагогического стажа.

Помимо переработанного учебника в 1953 г. вышло «Методическое руководство к преподаванию латинского языка» за авторством тех же С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова. Заметим, что издание столь необходимого в условиях эксперимента пособия произошло через 5 лет после начала реформы. Действительно, появление такой публикации давно уже назрело: большинство учителей латыни в школах по-прежнему не имели соответствующего образования и квалификации. Однако вряд ли педагоги удовлетворились этим изданием.⁵⁹ Из общего небольшого объема в 100 страниц собственно приемам изучения древнего языка была уделена лишь половина книги (с. 58–99). Вероятно, предвидя новую волну критики, авторы в самом тексте скромно называют свое методическое руководство «очерками», «первым опытом», не претендующим на законченность и полноту и основывающимся лишь на личном опыте преподавания.⁶⁰ Имеющиеся рассуждения о значении учителя на уроках, скорее, являются оправданием и своего рода ответом на критику выпущенного Кондратьевым и Васнецовым учебника: «Приступая к работе, учитель отнюдь не обязан канонизировать учебник. Иногда можно и изменить порядок прохождения материала учебника, учитывая уровень грамматических знаний учащихся <...> Он может и не соглашаться с ним [с учебником — А. С.], с распределением материала, с теми или другими объяснениями <...> Преподаватель

⁵⁷ Козаржевский 1952, 118.

⁵⁸ Там же, 120.

⁵⁹ См. обстоятельный разбор содержательной части пособия: Полякова 1954, 91–95.

⁶⁰ Кондратьев, Васнецов 1953а, 6.

должен помнить, что учебник не заменяет учителя». ⁶¹ С. П. Кондратьев призывает учителей творчески подходить к процессу преподавания, предлагать собственные приемы обучения, подумать над вопросами, поставленными в «Методическом руководстве». Апеллируя к творческим способностям педагогов и предполагая их тщательную самостоятельную подготовку к урокам, он так формулирует свою позицию: «Составители учебника не могли при каждом слове дать его толкование: это дело вдумчивого учителя, а между тем здесь могут выявиться многие моменты, удобные для проведения объяснительной беседы: основные окончания на *-tia* имен существительных, выражающих отвлеченные понятия, на *-tor* действующих лиц, причем можно указать, что это может быть и не лицо, но то, что приводит в движение (*motor* — мотор). При более глубоком изучении слов имеет место более глубокое проникновение в историю языка. Глагол *ето*, который мы переводим словом “покупаю”, соответствует русскому “иметь”, “брать взамен чего-либо”, отсюда “покупать”. Это приводит нас к той эпохе, когда не было денег и продукты обменивались, а не покупались». ⁶² Подобные объяснения для других грамматических явлений учителям следовало подбирать самостоятельно.

Конкретные обрывочные рекомендации, относящиеся собственно к преподаванию языка, меркнут перед тем обстоятельным обзором, который дается в первой части издания, посвященной идейно-политическому воспитанию на уроках латинского языка. Эта часть состоит из трех тематических блоков, названных весьма красноречиво: «О преподавании латинского языка в советской школе в свете учения И. В. Сталина о языке», «Раскрытие на материале латинского языка основных положений учения И. В. Сталина о языке», «Идейно-политическое воспитание учащихся на уроках латинского языка в свете постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам». Содержание текста, насыщенное многочисленными цитатами из классиков марксизма-ленинизма, сводится в целом к нескольким тезисам: 1) авторами осуществлен принципиальный отказ от дореволюционных методик преподавания, основывающихся на «формальном анализе языка» и «голой формалистической зубрежке»; 2) изучение латыни в свете «учения о языке» И. В. Сталина должно способствовать формированию марксистско-ленинской идеологии учащихся, изучению законов языка; 3) знание латинского языка необходимо в самых разнообразных сферах научной деятельности, из него заимствована значительная часть научной терминологии; 4) изучение латинского языка важно для понимания современных языков; 5) любой язык должен изучаться в связи с его историей для лучшего усвоения лингвистического материала. ⁶³ Очевидно, здесь обнаруживается пересечение с установками, изложенными во «Введении» к соответствующему учебному пособию, но очевидно также, что А. И. Васнецов (составитель этой части рекомендаций) намеренно заострил внимание на принципиальном разрыве с традицией дореволюционного времени, что, конечно, является риторическим приемом, а не действительной установкой — по крайней мере, в содержательной части учебника такой разрыв едва ли прослеживается. ⁶⁴

⁶¹ Кондратьев, Васнецов 1953а, 58–59.

⁶² Там же, 59–60.

⁶³ Там же, 9–14.

⁶⁴ Так, многие адаптированные тексты для перевода, повествующие о культурных традициях древних римлян, авторы заимствовали из дореволюционных пособий, на что обратил внимание в

Во втором разделе на материалах латинского языка раскрываются тезисы «учения» Сталина. Сами примеры относительно просты, что соответствует довольно тривиальным высказываниям самого Сталина. Положение о взаимосвязи развития языка с развитием общества «раскрыто» на нескольких примерах, иллюстрирующих возникновение ряда слов в связи с новыми явлениями в жизни: так, например, утверждается, что в ходе разложения родового общества и образования государства и классов изменилось значение слов, существовавших уже в царскую эпоху (*praetor, consul, princeps* etc.).⁶⁵ Тезис об устойчивом характере «основного словарного фонда» иллюстрируется архаизмами в языке Лукреция.⁶⁶ Выдвинутое Сталиным расплывчатое положение о крайне медленном изменении грамматического строя языка находилось в противоречии с другой его идеей — о совершенствовании, улучшении, обогащении новыми правилами этого же грамматического строя с течением времени. Первое якобы подтверждалось, по мнению Васнецова, сохранением на всем протяжении истории Древнего Рима четырех спряжений, второе — исчезновением «орудийного» и «местного» падежей, слиянием именительного и звательного падежей.⁶⁷

Задачи преподавания латинского языка в советских школах виделись довольно разнообразными. Они относились не только к лингвистической подготовке, но также — и главным образом — к политико-идеологическим аспектам. Перевод подобранных для учебника довольно стандартных текстов о рабах, римских патрициях, завоеваниях римлян учителю следовало сопровождать комментариями о классовом рабовладельческом характере античного общества, раздираемого противоречиями между эксплуататорами и угнетенными массами.⁶⁸ Военные походы римлян педагогам предписывалось охарактеризовать по Ленину как «продолжение политики иными средствами», имеющее захватнический и классовый характер, выражающее интересы верхушки общества.⁶⁹ Проводилась довольно спорная параллель между агрессивной внешней политикой нацистской Германии и военными действиями Рима. Вряд ли подобные рекомендации в полной мере претворялись в жизнь,⁷⁰ но это, по-видимому, и не было существенным. Приоритет авторов состоял в другом: им важно было продемонстрировать идеологический потенциал латинского языка в школе, встроить предмет в общую воспитательную и образовательную программу советской школы.

Этому же посвящено и указание на использование уроков латинского языка для гражданского воспитания молодежи. Исходным тезисом в этом направлении стало противопоставление римского и буржуазного патриотизма советскому, «не имеющему националистических предрассудков» и сочетающему «национальные тради-

своей рецензии А. Ч. Козаржевский: Козаржевский 1949, 119. С. В. Полякова отмечала напрасное иронизирование С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова над дореволюционными методиками: Полякова 1954, 95.

⁶⁵ Кондратьев, Васнецов 1953а, 19.

⁶⁶ Там же, 23.

⁶⁷ Там же, 25–26.

⁶⁸ Там же, 40.

⁶⁹ Там же, 41.

⁷⁰ По воспоминаниям М. Н. Ботвинника, учителя латинского языка в школе в конце 1940-х гг., он старался заинтересовать учеников рассказами о культуре Античного мира, ее параллелями с современной культурой: Ботвинник 1997, 113.

ции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза».⁷¹ Раскрытию тех качеств личности, которыми должен обладать советский человек, служили вводимые авторами пословицы и поговорки. Извлекаемые из латинских авторов, дореволюционных хрестоматий или изобретенные самостоятельно сентенции Кондратьев и Васнецов делят на три группы по некому им одним ясному принципу: «А. Воля, настойчивость и твердость в преодолении трудностей, мужество, смелость и решительность» (*amat victoria curam; per aspera ad astra; repetitio est mater studiorum; fer difficilia, facilia levius perferes; sapiens ipse fingit fortunam sibi etc.*); «Б. О значении создания привычки» (*consuetudo et mos vim legis videntur habere; gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo etc.*); «В. Дружба, скромность, правдивость, честность» (*ne vitemus bonorum amicorum consilia; amicus certus in re incerta cernitur; similis simili gaudet etc.*).

Таким образом, задачи, которые ставили авторы пособия, нацеливали учителей на активную самостоятельную работу, творческие искания, лингвистические разработки, глубокое изучение античной истории и культуры — что едва ли было выполнимо в послевоенных школах.⁷² Кондратьев и Васнецов, вероятно, сознательно не упоминают о действительном состоянии преподавания латыни и вообще преподавания в тогдашней средней школе, создавая идеалистическую картину того, как это преподавание, по их мнению, должно осуществляться.

Реальное полноценное изложение приемов обучения древнему языку, по всей вероятности, не являлось целеполаганием авторов при создании «Методических рекомендаций». Этой небольшой по объему книжкой, как и «Введением» к учебнику образца 1953 г., выстраивался защитный каркас, основанный на идейной новизне методических подходов, реализации в преподавании положений «учения Сталина о языке», применении марксистско-ленинской методологии и достижений советской педагогики. Латинскому языку в новой парадигме придавались идейно-политическое значение и воспитательная функция. Такое новое обрамление и наполнение латыни как школьного предмета создавалось с целью защиты от нападков противников реформы, но было противоестественным для самой идеи классического образования. Гибель дореволюционных гимназий — что, вероятно, осознавали критики, особенно такие, как Я. М. Боровский, — достаточно доказала невозможность привить древние языки в русской школе с помощью идейно-политического давления. Конечно, после смерти Сталина и изменения вектора образовательной политики на «политтехнизацию» не могло идти речи о сохранении мертвого языка как предмета в образовательной школе. Однако нельзя не отметить и другую, вполне субъективную, причину провала реформы: осуществление данного педагогического эксперимента было с самого начала монополизировано несколькими лицами, чувствовавшими себя в относительной безопасности и игнорировавшими справедливую критику.

⁷¹ Кондратьев, Васнецов 1953а, 47.

⁷² О проблемах, с которыми сталкивалась тогда средняя школа, см. обстоятельную монографию: Иванова 2018, 14–32.

Литература

- Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. Москва, Едиториал УРСС, 2004.
- Боровский Я. М. Латинский язык в средней школе. *Вопросы языкознания* 1952, 4, 87–88.
- Ботвинник М. Н. Латинский язык в советской школе. В сб.: И. П. Суздальская, Н. М. Ботвинник (ред.) *Памяти Марка Наумовича Ботвинника*. Санкт-Петербург, Обществ. правозащитная организация «Гражданский контроль», 1997, 107–113.
- Иванова Г. М. *Советская школа в 1950–1960-е годы*. Москва, Фонд «Московское время», 2018.
- Кондратьев С. П., Тимофеева Н. А. Латинский язык в системе современного образования. *Вопросы языкознания* 1952, 4, 84–86.
- Кириллова М. Н. История древности в «Истории СССР». В кн.: *Советская древность: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР*, отв. ред. С. Г. Карпюк. Москва, ИВИ РАН, 2022, 124–183.
- Козаржевский А. Ч. Книга для чтения по латинскому языку. *Иностранные языки в школе* 1952, 1, 118–120.
- Козаржевский А. Ч. Неудачный учебник латинского языка. *Иностранные языки в школе* 1949, 5, 117–120.
- Кондратьев С., Васнецов А. *Aula Linguae Latinae. Книга для чтения по латинскому языку. Для 10-го класса средней школы*. Москва — Ленинград, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1950.
- Кондратьев С., Васнецов А. *Методическое руководство к преподаванию латинского языка в 8–10-х классах средней школы*. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953а.
- Кондратьев С., Васнецов А. *Учебник латинского языка. Для 8–10 классов средней школы*. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953б.
- Кондратьев С. П., Васнецов А. И. *Учебник латинского языка. Для 8–10 классов средней школы*. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948.
- Конопаткин В. А. История Римской империи и советская идеология времен Великой Отечественной войны (на материалах «Исторического журнала»). *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии* 2024, 9 (1), 88–95.
- Наюк Е. Год занятий латинским языком в средней школе. *Иностранные языки в школе* 1951, 1, 101–103.
- Пикус Н. Н. [Рец. на:] С. П. Кондратьев, А. И. Васнецов. *Aula linguae Latinae. Книга для чтения по латинскому языку*. М., 1950. *Вестник древней истории* 1951, 2, 164–165.
- Полякова С. Неудачное методическое пособие к плохому учебнику. *Иностранные языки в школе* 1954, 5, 91–95.
- Рачкаускас М. И. Анализ учебника латинского языка С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова. *Иностранные языки в школе* 1953, 4, 99–105.
- Скворцов А. М. «Сейчас предстоит или возродить ... или окончательно его погубить»: введение и скорая отмена латинского языка в советских школах (конец 1940-х — первая половина 1950-х годов). *Вестник древней истории* 2023, 83 (1), 185–201.
- Скворцов А. М. Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 2022, 1299–1308.
- Фаворский А. И. Оправдывает ли себя преподавание латинского языка в средней школе. *Иностранные языки в школе* 1952, 3, 78–82.
- Филенковская И. [Рец. на:] С. П. Кондратьев и А. И. Васнецов — Учебник латинского языка для VIII–X классов средней школы. Издание 4-е, переработанное, М., 1953. *Иностранные языки в школе* 1954, 5, 95–101.

Latin in Soviet Secondary Schools (1948–1954): Philology and Ideology*

Artyom M. Skvortsov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
32a, Leninsky pr., Moscow, 119991, Russian Federation; skvorcov@yandex.ru
Chelyabinsk State University,
129, ul. Brat'yev Kashirinikh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; artyom-skvorcov@yandex.ru

For citation: Skvortsov A.M. Latin in Soviet Secondary Schools (1948–1954): Philology and Ideology. *Philologia Classica* 2024, 19 (1), 164–181. <https://doi.org/10.21638/spbu2024.111> (In Russian)

In the years between 1948 and 1954, several schools in the Soviet Union incorporated Latin into the curriculum for high school students. To implement the reform, S. P. Kondratyev and A. I. Vasnetsov developed a textbook that has gone through four editions. The textbook includes chrestomathic materials with excerpts from Latin texts and methodological recommendations. The manuals were compiled hastily without adequate discussion of their content. The innovation, which consisted in the reorganization of grammatical material, the different selection of original Latin texts (extracts from the works of Herodotus, Justin, and Maciej Miechowita describing the ancient state of territories that were part of the Soviet Union), and an increase in the proportion of historical and linguistic material in the explanation of grammar rules, met with disapproval from the professional community of classical philologists, who criticized the teaching and methodological approach of the course. Kondratyev and Vasnetsov only made concessions by 1953, but they tried to strengthen the ideological and educational components in the teaching of Latin in schools. The adapted texts and proverbs chosen for the students demonstrated those characteristics of the Romans that corresponded with the ideal of a Soviet person (collectivism, courage, determination in overcoming difficulties, humility, comradeship, selflessness, etc.). A number of historical and linguistic references in textbooks allude to contemporary events and, consequently, play the role of political education. For example, the preservation of the Roman vocabulary in conditions of dependence on the Etruscans can be compared to the resistance of the Slavic population in Bulgaria. However, the experiment was abandoned in 1954. This article considers the teaching and methodology of Latin as a marker of ideological processes. The introduction of this subject in secondary schools fits within the general context of late Stalinist classicism.

Keywords: history of classical philology, Latin language, secondary school, history of education, Soviet school.

References

- Alpatov V.M. *The history of a myth: Marr and Marrism*. Moscow, Editorial URSS, 2004 (in Russian).
Borovskii Ia. M. Latin language in secondary school. *Voprosy iazykoznaniiia* 1952, 4, 87–88 (in Russian).
Botvinnik M. N. Latin language in secondary school. In: I. P. Suzdalskaia, N. M. Botvinnik (eds). *In memory of Mark Naumovich Botvinnik*. St Petersburg, 1997, 107–113 (in Russian).
Favorskij A. I. Does teaching Latin in secondary school justify itself? *Inostrannye iazyki v shkole* 1952, 3, 78–82 (in Russian).
Filenkovskaia I. [Review on:] S. P. Kondratyev and A. I. Vasnetsov — Textbook of the Latin language for the sixth grade of secondary school. Revised 4th edition, Moscow, 1953. *Inostrannye iazyki v shkole* 1954, 5, 95–101 (in Russian).

* The article was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project no. 24-28-01315 “Post-war classicism: social order and intellectual space of Soviet specialists in ancient history, 1945–1956”.

- Ivanova G. M. *The Soviet school in the 1950s and 1960s*. Moscow, Fond “Moskovskoe vremia” Publ., 2018 (in Russian).
- Kirillova M. N. The History of Antiquity in the “History of the USSR”. In: S. G. Karpiuk (ed.). *Soviet Antiquity: people, institutions, books and the science of antiquity in the USSR*. Moscow, IVI RAN Publ., 2022, 124–183 (in Russian).
- Kondrat'ev S. P., Vasnetsov A. I. *Latin Textbook for 8–10 Grades of Secondary School*. Moscow, Gosudarstvennoe učebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshheniia RSFSR Publ., 1948 (in Russian).
- Kondrat'ev S. P., Vasnetsov A. I. *Latin Textbook for 8–10 Grades of Secondary School*. Moscow, Gosudarstvennoe učebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshheniia RSFSR Publ., 1953b (in Russian).
- Kondrat'ev S., Vasnetsov A. *A Methodological Guide to Teaching Latin in Grades 8 to 10 in Secondary Schools*. Moscow, Gosudarstvennoe učebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshheniia RSFSR Publ., 1953a (in Russian).
- Kondrat'ev S., Vasnetsov A. *Aula linguae Latinae. A Book for Reading in Latin*. Moscow — Leningrad, Gosudarstvennoe učebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshheniia RSFSR Publ., 1950 (in Russian).
- Kondrat'ev S. P., Timofeeva N. A. Latin language in the system of modern education. *Voprosy iazykoznanii* 1952, 4, 84–86 (in Russian).
- Konopatkin V. A. The History of the Roman Empire and Soviet Ideology during the Great Patriotic War (based on the materials of the Historical Journal). *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* 2024, 9 (1), 88–95 (in Russian).
- Kozarzhvskii A. Ch. A book for reading in the Latin language. *Inostrannye iazyki v shkole* 1952, 1, 118–120 (in Russian).
- Kozarzhvskii A. Ch. An unsuccessful textbook of the Latin language. *Inostrannye iazyki v shkole* 1949, 5, 117–120 (in Russian).
- Najuk E. A year of Latin language classes in high school. *Inostrannye iazyki v shkole* 1951, 1, 101–103 (in Russian).
- Pikus N. N. [Review on:] S. P. Kondrat'ev, A. I. Vasnetsov. *Aula linguae Latinae. A book for reading Latin*. Moscow, 1950. *Vestnik drevnei istorii* 1951, 2, 164–165 (in Russian).
- Poljakova S. An unsuccessful methodological guide to a bad textbook. *Inostrannye iazyki v shkole* 1954, 5, 91–95 (in Russian).
- Rachkauskas M. I. Analysis of the textbook of the Latin language by S. P. Kondrat'ev and A. I. Vasnetsov. *Inostrannye iazyki v shkole* 1953, 4, 99–105 (in Russian).
- Skvortsov A. M. “Now we have to Either Restore... or Ruin it Completely”. The Introduction and Soon Abolition of Latin in Soviet Schools (late 1940s — first half of the 1950s). *Vestnik drevnei istorii* 2023, 83 (1), 185–201 (in Russian).
- Skvortsov A. M. Classical philology at the final stage of the Great Patriotic War: actualization of the discipline. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya* 2022, 1299–1308 (in Russian).

Received: 16.03.2024

Accepted: 21.06.2024